

КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД 10-5 ТЫС. ЛЕТ НАЗАД¹

В истории человека голоцен очень короткий период, его основное содержание - сложение широтной зональности. Разворачивание ландшафтно-климатических зон определило природные условия обитания человека Старого Света, которые на протяжении раннего и среднего голоцена характеризуются изменениями различной продолжительности и масштаба. Являясь важнейшим экзогенным фактором, они отражались на хозяйственной организации, определяя направленность и специфику социокультурных процессов.

Наиболее актуальными проблемами археологических исследований остается определение различных сторон хозяйственной жизни и их роли в структуре культурных факторов. Внимание исследователей к вопросам хозяйственных реконструкций имеет свою историю и является традиционным разделом исследований; в историографии удачные примеры этого рода связываются с применением данных этнографии (Шилов В.П., 1975. С.82 и сл.). В археологических исследованиях часто используется концепция хозяйственно-культурных типов, разработанная в отечественной практике. Однако аморфность и громоздкость строения понятия ХКТ создает трудности для его использования в археологических построениях, в том числе процедурные. Здесь очень важны представления исследователя о том, как и какие признаки трактуются в качестве хозяйственных, как представляется культурный и хозяйственный комплекс (иерархией или конгломератом и т.п.), как соотносятся они в целом, как и какие признаки отражают эндогенные и экзогенные факторы и т. п. Отдельный, более сложный аспект проблемы – соотношение материальных и хозяйственных характеристик, в том числе соотношение «археологической культуры» и ХКТ. Особенно показательны затруднения по последнему пункту, а именно: вероятно малая возможность соотнесения этих понятий, что, вероятно, демонстрирует отсутствие в них инструментального назначения. Применительно к ХКТ это отражается отсутствием в нем субпонятийных (субсистемных или субструктурных) единиц (Алексеев В.П., 1984. С.350 и сл.).

Определение связей материальных и хозяйственных факторов включается в разные этапы исследования. Здесь наиболее отчетливы две тенденции. Интерпретации, определяющие первую, в отечественной традиции имеют продолжительную историю, поскольку они обычно выступают как обязательная часть исследования. А в качестве универсальной проблемы, особенно для ранних эпох, интегрирующей различные аспекты исследования, акцентируются вопросы происхождения производящего хозяйства. Отнесение палеогеографических, палеозоологических (в частности остеологических) данных к кругу «не-артефактных» явлений обычно ведет к включению их в завершение исследований, что одновременно служит поводом для исключения их из обоснования каких-либо культурных аспектов. Определение их

¹ Данная публикация выполнена по материалам и в продолжение доклада автора на конференции «Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии» Саратов, 2000.

соотношения с остальными (материальными, коммуникативными т.п.) факторами в этом случае не рассматривается вообще. Основным недостатком этой исследовательской практики представляется исключение из рассмотрения палеобиологических и палеогеографических (спорово-пыльцевые, литологические, остеологические и др.) данных наравне с остальными. В то время как их важность подчеркивается еще и тем, что использование других источников по хозяйству периода раннего и среднего голоцена (структура поселений, особенности хозяйственных сооружений и т.п.) ограничивается отсутствием реализованных полевых программ, ориентированных на решение этих задач.

Поэтому вторая тенденция представляется более продуктивной. Она объединяет подходы изначально ориентированные на реконструкцию социально-культурного характера. Здесь природные, материальные и хозяйственные характеристики изначально включены в совокупность источников, а анализ хозяйственно-бытовых признаков подчиняется тем же операциям, что и материальных. Реализация отраженных в них палеогеографических и экологических характеристик и их корреляция позволяют выделить дополнительные критерии культурной динамики. Результативность таких наблюдений особенно высока на стыках ландшафтных (палеоландшафтных) зон и в аридных ландшафтах, где условия обитания человека тесно сопряжены с подвижным характером баланса температур, увлажненности и т.п., что определено широкой амплитудой колебаний и разнонаправленностью ландшафтно-климатических факторов.

Рассмотрение культурных и хозяйственных процессов на региональном и субрегиональном уровнях, в длительных хронологических диапазонах (до нескольких тысяч лет), ставит необходимым проблему определения первичного элементарного компонента культурно-хозяйственной традиции. Такой единицей может быть хозяйственно-бытовой уклад, представленный в любой природной зоне, в том числе аридной и семиаридной, различными вариациями охотничьего и охотничье-скотоводческого комплекса, и отраженный в доступном исследованию региональном наборе культурных и природных характеристик. Взаимозависимость культурно-хозяйственных перемен и природных изменений позволяет реконструировать адаптивный потенциал хозяйственно-бытового уклада охотников и охотников-скотоводов, и различия их укладов определяют особенности экологической адаптации населения региона. Коррелирование природных, экологических и культурно-хозяйственных процессов повышает информативность исследований и позволяет приблизиться к такой единице культурно-хозяйственной и бытовой организации, которая в основных чертах включает характеристики хозяйственно-бытового микроуровня.

В основных признаках такой уровень был предложен В.П.Алексеевым в концепции антропогеоценоза. Этот уровень представляет собой единство конкретной группы, ландшафтно-географических особенностей территории, которую она занимает, и определенные приемы хозяйственного использования территории. Антропогеоценоз занимает место элементарной структурной единицы в системе экономики и в процессе географической адаптации культуры. Согласно концепции В.П.Алексеева, антропогенезу принадлежит видное место и в процессе биологической дифференциации человечества: в случае совпадения антропогеоценоза с популяцией он является первичным элементом биологической дифференциации, при не-

совпадении антропогеоценоза и популяции, он, усиливая собственную гомогенность, стремится к превращению своего хозяйственного коллектива с одним или несколькими соседними в потенциальную популяцию (Алексеев В.П., 1984. С.354-383). В соотношении этих понятий культурно-хозяйственного микроуровня антропогеоценоз представляет теоретическую модель, скорее гипотезу, а хозяйственно-бытовой уклад – целесообразную реконструкцию, отражающую связи источников. Такая соотнесенность позволяет добиться эффективных наблюдений динамики культурно-хозяйственной традиции.

Неоднородность ландшафтов территории степного Заволжья от Самарской Луки до побережья Каспия выражена противопоставлением плоскоравнинной северной и южной частей: южную занимает центр Прикаспийской низменности с преобладанием супесчаных ландшафтов в ее прибрежной части. Континентальный режим здесь установился с отступлением Каспия в конце плейстоцена - начале голоцена. Своеобразие культурных процессов в этих двух частях волжского региона, на протяжении мезолита, неолита, энеолита и ранней бронзы, наиболее ярко проявляется в южной прикаспийской части региона. Степень исследованности этих территорий позволяет в настоящее время поставить вопрос о механизме, определившем основы наблюдаемых процессов. Основное специфическое условие региональных характеристик – чередование периодов повышения и понижения региональной увлажненности, учет которых адаптивный потенциал дает возможность коррелировать социо-культурные и природные процессы на смежных территориях за пределами волжской. Динамика связей населения региона Прикаспийской низменности с населением сопредельных территорий, в том числе и с северной частью заволжской территории, в различные периоды характеризуются своими особенностями. Ландшафтная специфика южной супесчаной части Волго-Уральского междуречья (хорошее дренирование песчаного субстрата, высокий уровень стояния грунтовых вод и т.п.) обусловила яркое проявление как благоприятных, так и неблагоприятных ландшафтно-климатических изменений именно в этой части региона. Такие особенности характеризует этот район как индикатор культурно-хозяйственных, социальных и демографических процессов сопредельных территорий (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1998).

В региональной культурно-хозяйственной традиции южной части Волго-Уральского междуречья выделяется два этапа, соответственно характеру изменений и ландшафтно-климатическим особенностям раннего и среднего голоцена. Первый этап характеризуют различные вариации охотничьего уклада, он представлен комплексами мезолита-неолита; второй – комплексами энеолита - ранней бронзы, характеризующими охотничье-скотоводческий уклад.

Особенности культурных процессов позволяют выделить две основные тенденции в культурно-хозяйственной традиции. Первая характеризует периоды оптимизации ландшафтно-климатических условий и проявляется как культурная дивергенция. В ее основе увеличение демографической емкости местных ландшафтов и следующее из этого сосуществование различных культурных групп в регионе. И противоположная тенденция, а именно: культурная конвергенция, характеризует периоды нарастания неблагоприятных изменений. Она развивается в условиях сокращения демографической емкости региона и отражается слиянием культурных комплексов. Более яркий характер проявления дивергентных процессов определен

увеличением количества признаков материальных комплексов, общее число которых в это время также увеличивается. Изменчивость природных условий необходимо рассматривать в качестве главного фактора формирования основных черт хозяйственно-бытового уклада. Этот же фактор определял специфику культурных процессов, в первую очередь особенности субкультурной интеграции и культурных контактов.

В периоды нарастания благоприятных природных изменений повышались практические возможности этих укладов, чем определялось увеличение численности их носителей, и наоборот, что вызывало сокращение населения региона в неблагоприятные периоды, вплоть до предельного сокращения местной популяции. Последний случай может отражаться перерывами в местном культурном процессе. Основные характеристики функционирования хозяйственно-бытовых укладов - гибкость реагирования на изменения условий среды и отсутствие ощутимых влияний человека на природу. Следует отметить, что более гибко реагировали ранние охотничьи уклады. С появлением в региональном хозяйственном комплексе скотоводства реактивность укладов на ландшафтно-климатические перемены заметно ослаблялась.

В эпоху мезолита происходит заселение региона и превращение Прикаспийской низменности в особую культурную зону или страну. Освобождающаяся от вод Каспия территория заселялась из районов западного и восточного Прикаспия (Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М., 1991). Синтез оптимальных приемов культурной и хозяйственной адаптации стимулировал выработку нескольких региональных вариаций охотничьего культурно-бытового уклада, которые обеспечили возможность устойчивой адаптации его носителей на продолжительное время. Устойчивость связей внутри территории низменности отражает, кроме прочего, сложение региональных популяционных характеристик.

Этот период оптимизации природно-климатических условий раннего периода голоцена в регионе отражается двумя типологически различными комплексами с микролитическим инвентарем: жекалганским и истайским. Ландшафтно-климатические условия семиаридного характера определяют этот период как довольно благоприятный, чем в первую очередь объяснимо дивергентное сосуществование носителей двух различных мезолитических групп, практиковавших различные варианты охоты на местных копытных. Специфическая особенность каждой из этих групп характеризует самостоятельность генезиса их уклада. Общая их черта – малочисленность групп охотников – обычный признак мезолитических охотников. По основным признакам предполагается большая подвижность носителей «жекалганского» комплекса, в то время как более упорядоченная организация «истайцев» отражается в компактном характере расположения их стоянок, где одно и то же место посещалось несколько раз (Горашук И.В., Комаров А.М., 1998. С.29). Фиксируется взаимодействие носителей этих укладов, результатом которого стало сложение ранненеолитического комплекса (Горашук И.В., Комаров А.М., 1998. С.23, 27).

Отчетливый параллелизм природно-климатических и культурно-хозяйственных событий последующего периода в регионе аргументирует стимулирующую роль географических факторов в процессе оформления ранненеолитического уклада, который представлен комплексом Кугат - Кулагай-си. Процесс его сложения развивался на фоне резких региональных изменений природно-климатических условий, кото-

рые характеризуют этот период как кризис. Таксономический разряд экологического кризиса определяется резким переходом, от семиаридной, характеризующей период мезолита, к более экстремальной ультрааридной обстановке, минуя промежуточные фазы (Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д., 1998). Переход к ранненеолитическому укладу был быстрым, соответственно смене ландшафтных условий; дробная культурная характеристика ранней фазы первого этапа отражает общие черты ранненеолитического уклада. Он сохранил основные характеристики мезолитического, на основе которого сложился (Козин Е.В., Комаров А.М., 1989), в первую очередь малочисленность подвижных охотничьих групп.

Особенности природных условий следующей фазы этого этапа представлены спорово-пыльцевыми комплексами памятников неолита каиршакского типа. Этот период характеризует оптимализация ландшафтно-климатических условий, основное отличие от предыдущего - появление долговременных стоянок. Каиршакские комплексы содержатся в развитых культурных горизонтах и демонстрируют заметные изменения в региональной культурно-хозяйственной традиции, определенные увеличением эффективности охоты. Эти причины обусловили сложение нового хозяйственно-бытового уклада, который отражается возникновением в Прикаспийской низменности стационарной модели расселения; появлением новых керамических форм, представленных часто очень крупными плоскодонными сосудами с прочерченной орнаментацией; изменением традиционного набора геометрических микролитов (Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1989). Основной объект охоты прикаспийского населения в этот период также, как и в предшествующий – кулан. Финал этого этапа неолита обозначают пыльцевые спектры, фиксирующие нарастание аридизации и, как его следствие, перерыв в культурных процессах супесчаной части междуречья Волги и Урала.

Внутренняя динамика неолитического периода отражает гибкость сложившегося хозяйственно-бытового уклада населения Прикаспийской низменности - условия аридизации южной части территории неолитические охотники переживают на периферии низменности, вдоль ее северного борта, где давление пресса засушливости было слабее. Этот момент отражается изменением в остеологических комплексах стоянки Варфоломеевка (Саратовского Заволжья), в ее средних горизонтах, в отличие от предыдущих и последующих; приоритет принадлежит костям кулана - основному объекту охоты населения южной части региона в предшествующий и последующий период.

Начало второго этапа региональной культурной и хозяйственной традиции, который охватывает неолит - энеолит, характеризуется еще более сложными процессами хозяйственной адаптации и культурной дивергенции. В этот период выделяется три культурных компонента, взаимодействие которых определяет специфику интервала. Существование носителей различных хозяйственно-бытовых укладов определялось условиями очередного периода ландшафтно-климатической оптимализации по всему Волго-Уральскому междуречью. Первый комплекс – тентексорский – представляет традиционный охотничий уклад, основанный на промысле копытных (в первую очередь кулана), сохраняет четкие ландшафтные привязки предыдущего этапа неолита – тентексорские стоянки располагаются в пределах южной, супесчаной части Прикаспийской низменности.

В отличие от неолитического (тентексорского) два энеолитических комплекса, хвалынский и «воротничковой» керамики, являются трансландшафтными и представляют иные уклады, в отличие от тентексорского. Территориально распространение этих комплексов охватывает несколько ландшафтных зон Поволжья от Самарской Луки на севере до побережья Каспия на юге.

Первый из них представлен металлоносным, отчетливо скотоводческим, комплексом хвалынской культуры, в остеологических наборах которой впервые в регионе фиксируются кости овцы. Своеобразие культурной и хозяйственной характеристики хвалынской культуры отражается особенностями ее ландшафтно-территориальных связей. Связи хвалынской культуры обширны в восточном и западном направлении. На западе связи хвалынской культуры охватывают Прикубанье, возможно Поднепровье; в восточном направлении отчетливые связи отмечаются на Южном Урале и в Северо-Восточном Прикаспии (Астафьев А.Е., Баландина Г.В., 1998). Территориальные связи комплекса «воротничковой» керамики охватывают, в основном, степные пространства Волги и Дона. По периферии этой территории, в частности, на границе степи и лесостепи в Самарском Заволжье отмечается контакт с комплексом местного неолита, свидетельства аналогичных процессов представляют памятники из Саратовского Правобережья (Хреков А.А., 1996). Хозяйственная характеристика комплекса «воротничковой» керамики определена труднее. После исследований могильника у с.Съезжее авторами исследования было сделано предположение о скотоводческом характере этого комплекса. Прошедшее время, а также результаты исследований памятников неолита-энеолита в регионе, прямо эту гипотезу не подтвердили. Возможно это определено особенностями репрезентативности памятников этого типа, а именно: малочисленностью материальных наборов и отсутствием остеологических данных, не связанных с естественным биофоном, по всему волжскому ареалу. Эти признаки определяют характеристику специфического уклада носителей этого комплекса, в котором доминировала охота.

Очередная аридизация в период последовавший за описанным отделяет его от последующего периода оптимализации, маркируемого бытовыми памятниками ранней бронзы. Результаты исследований характеризуют его условия как ультрааридные, а существенная продолжительность этого периода, определяемая по соотношению значений дат С-14 и данных памятников на обширных территориях волгодонских степей, предполагает самостоятельный генезис уклада ранней бронзы, не связанный непосредственно с энеолитическими, и сложившийся в следующий период региональной оптимализации, условия которого характеризуют его как наиболее благоприятный.

Период ранней бронзы в регионе представлен комплексом ямной культуры. Связи бытовых комплексов Северного Прикаспия и погребальных памятников Саратовского и Волгоградского Заволжья отражают функционирование юго-восточной части единого социально-культурного массива ранней бронзы от Днепра до Волги. Отчетливая скотоводческая ориентированность хозяйственного уклада обеспечила интенсивность территориальных связей различных ландшафтных групп, донской («репинский» тип) и волжской (или «ямный» тип) по всему ареалу. Особенности ландшафтно-климатических условий этого плейвиала проявились в отчетливом смещении ландшафтных зон к югу, то есть ямные североприкаспийские памятники

маркируют в степном Поволжье зону максимальной интенсивности социо-культурных и хозяйственных процессов носителей ямного комплекса. Этими причинами, в первую очередь, определена минимальная репрезентативность бытовых комплексов ямного типа в Поволжье севернее широты Саратова.

Данный обзор показывает, что в период раннего и среднего голоцена, в развитии региональной культурно-хозяйственной традиции степного Поволжья отчетливо выделяется два периода. Ранний объединяет мезолит и неолит и демонстрирует высокую адаптивность охотничьего уклада. Пластичность механизма адаптации охотников – в его природосообразности: охотники следуют за животными и смещение путей миграций животных или исключение из этих путей каких-либо участков ландшафта, в случаях изменений растительного покрова и др., влечет за собой отток населения из этих районов, перемещение его вслед за животными.

Меньшая пластичность экологической адаптации скотоводов-охотников и скотоводов имеет в своей основе большую степень их автономности от природно-средовых факторов. Негативные изменения в природной обстановке в течение некоторого времени могут смягчаться за счет культурно-хозяйственных ресурсов, а именно: более сложной внутренней и внешней коммуникацией и использованием более широких территорий. При кратковременных изменениях это позволяет поддерживать сложившийся уклад, но, при длительных масштабных переменах неблагоприятного характера, это влекло слом хозяйственного механизма, что можно назвать катастрофой – чем более сложной внутренней и внешней коммуникацией культурного массива осуществлялась поддержка хозяйственных связей, тем более значимой была глубина социально-культурных перемен. В первую очередь нарушение этих связей вызывало популяционные изменения, что вело к заметным переменам в культурном массиве (уменьшение занимаемой площади и сегментация демографического массива и т.п.), что принципиально изменяло генерирование черт культурного комплекса. В начале это проявлялось как обеднение культурного комплекса. Следует отметить, что вероятность фиксации такого уменьшения признаков в археологическом отражении крайне незначительна.

Реконструируемые хозяйственно-бытовые уклады как производные от ландшафтно-территориальных привязок культурных комплексов позволяют сделать еще один важный вывод: все хозяйственные и внутрикультурные трансформации происходят в пределах занятого ареала, ресурсы ландшафтов которого используются максимально, и снижение их продуктивности не может рассматриваться в качестве причин перемещений населения, тем более культурных массивов на другие территории, в иные ландшафты. Поводами к таким заметным перемещениям крупных социально-этнических групп, фиксируемым письменными источниками в более поздние периоды, всегда служат конкретные события, ставшие причинами подвижек, которым, как правило, не сопутствуют массовые материальные отражения. В традиционном анализе процессов более ранних, дописьменных периодов, как и в предложенном обзоре процессов мезолита - ранней бронзы, масштаб события недостижим в принципе. Тем более, в качестве таких событий, не могут рассматриваться природные изменения, в том числе и неблагоприятные, сколь бы быстрыми они не представлялись исследователю. В случае нарастания неблагоприятных изменений ландшафтно-климатического характера, первым их следствием будет не перемещение населения, а

процесс угнетения популяции (уменьшение численности, изменение связей и т.п.). Предположения об оттоках населения из какой-то части культурного ареала в другую и за его пределы, допустимы, но маловероятны и его в принципе невозможно отличить от основной (сохранившейся?) части общего массива, так как и эти изменения материальных признаков вызываются популяционными деформациями.

Ценность гипотезы антропогеоценоза выражена именно в популяционном аспекте и поэтому основные возможности ее применения определяются широким хронологическим диапазоном. Это обстоятельство определяет место хозяйственно-бытового уклада, являющегося реконструкцией суммарных признаков комплексов, как элементарной культурной составляющей антропогеоценоза. Возможности популяционного подхода предполагают важные характеристики связей «дивергентных» комплексов. Наиболее яркое проявление культурной дивергенции в периоды региональной оптимизации и отчетливый характер связей «жекалганского» и «истайского» в мезолите, хвалынского и «воротничкового» (сьезженского) в энеолите позволяет сделать предположение, что эти связи различных комплексов могут отражать особенности культурной регламентации использования природных ресурсов. В этом отношении, вероятно, не выглядит случайным, что наиболее сильно связанные комплексы образуют парные сочетания, в качестве реальных параллелей которым можно привести дуальные организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П., 1984. Становление человечества. М.
- Астафьев А.Е., Баландина Г.В., 1998. Энеолитические памятники хвалынского типа полуострова Мангышлак // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.
- Барынкин П.П., Козин Е.В., 1998. Природно-климатические и культурно-демографические процессы в Северном Прикаспии в раннем и среднем голоцене // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1989. Неолитическая стоянка Каир-Шак III в Северном Прикаспии // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М., 1991. Мезолит Северного Прикаспия. Свердловск-Самара.
- Горашук И.В., Комаров А.М., 1998. Мезолитические охотники юга Волго-Уральского междуречья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.
- Козин Е.В., Комаров А.М., 1989. Памятники раннеэнеолитического времени в южной части Волго-Уральских песков // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д., 1998. Геолого-палеоэкологические события севера аридной зоны в последние 10 тыс.лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.
- Хреков А.А., 1996. Раннеэнеолитические памятники лесостепного Прихоперья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов.
- Шилов В.П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.